

УДК 811.511.13

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-1-61-68

Обрыв слова в спонтанной коми речи

Г. А. Некрасова

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
komilang@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена описанию обрыва слова как разновидности речевого сбоя в спонтанной коми речи. Анализируются типы коррекции оборванного слова с учётом следующих параметров: наличие / отсутствие изоморфизма, линейный и структурный диапазон между оборванным словом и откорректированным коррелятом, объём фрагмента слова, частотность обрыва.

Цель: выявить и описать особенности обрыва слова в спонтанной коми речи и способы его преодоления.

Материалы исследования: аудио- и видеозаписи, содержащиеся в Коми медиатеке Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков, а также фрагменты бесед участников передач, показанных на Коми республиканском телевизионном канале «Юрган».

Результаты и научная новизна. В статье впервые проанализированы обрывы слов в спонтанной коми речи. Установлено, что фрагмент слова может повторяться, изменяться или отменяться чаще внутри одной предикации. Выявлено, что в речи преобладают контактные коррекции, при которых полнозначное слово следует непосредственно за отклонённым фрагментом, реже между ними вставляются лексические маркеры хезитации, слова с пропозициональным значением. В составе фразы обычно обрывается одно слово, при этом обрыв чаще происходит однократно. Специфической чертой спонтанной коми речи является двоякая коррекция оборванных слов: фрагмент на одном языке может быть исправлен на том же или на другом языке. Разноязыковая замена фрагментов слов характерна для речи билингвов, свободно владеющих коми и русским языками. Нетривиальной является коррекция, при которой исправляется только суффикс без повтора полнозначного слова.

Ключевые слова: устная речь, речевые сбои, хезитация, самокоррекция говорящего, обрыв слова, билингвизм, коми язык

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Для цитирования: Некрасова Г. А. Обрыв слова в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 61–68.

Word break in spontaneous Komi speech

G. A. Nekrasova

*Institute of Language, Literature and History,
Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
komilang@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the paper deals with the description of word break as a type of speech failure in spontaneous Komi speech. The types of correction of a broken word are analyzed taking into account the following parameters: the presence / absence of isomorphism, the linear and structural range between the broken word and the corrected correlate, the volume of a word fragment, the frequency of the breakage.

Objective: to identify and describe the peculiarities of word break in spontaneous Komi speech and ways to overcome it.

Research materials: audio and video recordings contained in the Komi media library of the Interregional Laboratory of Information Support for the Functioning of Finno-Ugric Languages, as well as fragments of conversations of participants in programs shown in the Komi Republican television channel “Yurgan”.

Results and novelty of the research: the paper is the first to analyze word breaks in spontaneous Komi speech. It has been established that a word fragment can be repeated, changed or canceled more often within one predication. It has been revealed that contact corrections predominate in speech, in which a full-meaning word follows directly after a rejected

fragment; less often, lexical markers of hesitation and words with a propositional meaning are inserted between them. As part of a phrase, one word is usually broken, and the break often occurs once. A specific feature of spontaneous Komi speech is the double correction of broken words: a fragment in one language can be corrected in the same or another language. Multilingual replacement of word fragments is typical for the speech of bilinguals who are fluent in Komi and Russian. A non-trivial correction is one in which only the suffix is corrected without repeating the full-valued word.

Key words: oral speech, speech failures, hesitation, self-correction of the speaker, word break, bilingualism, the Komi language

Acknowledgements: the publication was prepared within the framework of the planned topic of the research work of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Federal Research Centre, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, "Permian languages in the linguo-cultural space of the European North and the Urals" (reg. No. 121042600252-7).

For citation: Nekrasova G. A. Word break in spontaneous Komi speech // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2024; 14 (1/56): 61–68.

Введение

На протяжении длительного времени изучение устной речи в финно-угроведении осуществлялось в русле диалектологии, что позволило выявить фонетические, грамматические и лексические особенности территориальных разновидностей конкретных языков. С конца прошлого века устная речь становится объектом исследования также в рамках социолингвистики, психолингвистики, коллоквиалистики. В фокусе внимания ряда зарубежных лингвистов находятся проблемы порождения высказывания и процесса речевого самоконтроля: хезитационные явления в устной речи (лексические маркеры хезитации, повторы, самоисправления) [18; 23; 24]; феномен препаративной подстановки [19]; разновидности речевых сбоев и способы их преодоления в речи ребёнка [20] и людей, страдающих афазией [21]; вопросы переключения и смешения кодов [17; 25; 26]. В российском финно-угроведении получили распространение исследования явлений устной речи, связанных преимущественно с взаимодействием двух языков [2; 6; 7; 8], имеются единичные публикации, посвящённые хезитационным процессам и типам самоисправлений в спонтанной коми речи [3; 9]. Изучение особенностей спонтанной устной речи является актуальным как для определения современного состояния языка, выявления основных тенденций его развития, так и для установления типологических и специфических черт форм речевых сбоев, их коррекции и причин возникновения. В настоящей статье рассматривается один из наиболее распространённых типов речевых сбоев – обрыв слова. Практическая значимость работы заключается в том, что основные положения и иллюстративный материал исследования могут быть использованы при сравнительно-сопоставительном изучении

явлений устной речи, а также в практике преподавания стилистики коми языка и культуры речи.

Материалы и методы

Источниками послужили видео- и аудиозаписи устной речи коми-ижемцев, содержащиеся в Коми медиатеке Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков [5]. Записи произведены в Ижемском и Сосногорском районах Республики Коми, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Мурманской и Тюменской областях. В качестве дополнительного источника была использована спонтанная устная речь участников передач, показанных на Коми республиканском телевизионном канале «Юрган» [11].

Основным методом является метод наблюдения, интроспекции, описательно-аналитический и статистический.

Результаты

Обрыв слова – разновидность речевого сбоя, характеризующаяся нарушением плавности и цельности произношения слова. Данное языковое явление может возникнуть в речи любого говорящего, когда он испытывает трудности с вербализацией. В соответствии с «главным правилом прерывания», изложенном в работе В. Левелта [22, 478–482], говорящий старается «остановить поток речи сразу после обнаружения проблемы, пусть даже посередине слова» [12, 50]. Реакция говорящего на такой сбой может быть различной: фрагмент слова корректируется или игнорируется. Обрыв слова и способы его преодоления на материале спонтанной русской речи анализируются обычно в двух аспектах: тип операции отмены и способ выхода говорящего из «точки сбоя»: on-line (мгновенно, сразу после обрыва); off-line

(дистантно) [1, 557; 16, 100]. Предлагаемая в данной работе система описания обрыва слова основывается на нескольких признаках, при этом учитываются критерии, предложенные для типологизации коррекций речевых сбоев в [12, 12]: структурный диапазон коррекции (взаимное расположение забракованного фрагмента и его откорректированного коррелята в иерархической структуре дискурса); линейный диапазон коррекции (линейная дистанция между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом); тип операции (степень формального и семантического сходства между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом); объём забракованного фрагмента (сегментная протяжённость забракованного фрагмента).

1. Коррекция фрагмента слова по параметру «тип операции»

Коррекция оборванного слова обычно рассматривается как операция отмены. Выделяют три типа: «нулевая отмена (оборванное слово повторяется (договаривается) без всякой коррекции); частичная отмена (повтор с коррекцией); полная отмена (оборванное слово брошено, говорящий к нему больше не возвращается, хотя коррекцию всего высказывания все же обычно осуществляет)» [1, 557; 4, 427–434; 15, 18; 16, 100]. По сути, оборванное слово исправляется так же, как и ошибочно введённое в речь цельное слово: фрагмент слова повторяется, изменяется или отменяется. Поэтому является вполне закономерным выделение по параметру «тип операции» трёх видов исправлений отклонённого фрагмента: *повторы*, *модификации* и *отмены*, как это предложено в работах [12, 36–37; 13, 14–17].

1.1. Повтор оборванного слова

Повтор является одним из самых распространённых явлений устной речи. В случае обрыва повтор заключается в повторении фрагмента слова в откорректированном варианте без изменения. Примеры такой коррекции представлены в контекстах (1)–(3).

(1) иж. (Краснощелье) *Сыа пычке=, пычкесэ, сэсся пычкесэ сэйыштас* [5] ‘Он [ворон] внутрен=, внутренности, потом внутренности поест’¹.

(2) иж. (Краснощелье) *Таенэ эні бось мо-ребокса кӱръяссэ, дак эні беда ыжда дӱля=, дӱляламисны* [5] ‘Вот возьми сейчас оленей, которые пасутся возле моря, так сейчас очень сильно сокр=, сократилась [их] численность’.

(3) иж. (Волоковая) *Смена вылын ке, гӱлэ-стэ должен пастух се=, сетны ӱтторе* [5] ‘Если на дежурстве, пастух постоянно должен по=, подавать голос’.

1.2. Модификация оборванного слова

Модификацией называется замена фрагмента речи «с полным или частичным сохранением значения» [12, 32; 13, 15]. В спонтанной коми речи модификация оборванного слова встречается при сбоях различного характера – фонетического, грамматического и лексического. Она часто возникает при поиске и выборе лексической единицы. Так, пример (4) демонстрирует колебание говорящего в выборе глагола: фрагмент одного заменяется на цельный другой с сохранением значения.

(4) иж. (Нарьян-Мар) *А вот изки дорас, маме на пыр висътолас, изкиас кучысема – сідз вай=, рӱдитэма медводз челядьсэ* [5] ‘И вот возле жёрнова, мама всё ещё рассказывала, держалась за жёрнов – так и род=, родила первого ребёнка’.

Отметим, что в коми языке в значении ‘родить, рожать’ употребляются три глагола: вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *вайны* ‘родить, родить; принести приплод (о животных)’ [14, I, 148–149], вс. вым. лл. (Об. Пор.) нв. печ. скр. сс. *чужтыны* ‘рождать, рожать, родить’ [14, II, 734], вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *рӱдитны* ‘родить’ [14, II, 303]. Согласно лексикографическим источникам, в ижемском диалекте функционирует только один из них – адаптированный коми языком заимствованный из русского языка глагол *рӱдитны*. Обрыв слова и последующая коррекция в примере (4) свидетельствуют о том, что в сознании говорящего общепотребительный глагол возник быстрее, чем глагол, свойственный диалекту.

Обрыв слова иногда появляется при кодовом переключении. В примерах (5) и (6) представлены обрывистые русскоязычные вкрапления, заменённые семантически эквивалентными словами на коми языке.

¹ Здесь и далее перевод примеров наш – Г. Н. Перевод осуществлён максимально близко к оригиналу. Обрыв слова и другие гезитационные явления, содержащиеся в речи информантов, в расшифрованных текстах и их переводах на русский язык, представленных в [5], в большинстве случаев исключены, поэтому была произведена повторная расшифровка аудио- и видеозаписей.

(5) иж. (Краснощелье) *Так что сіе ме кылылі, миян Щелляюрысь дядь раска=, висътоолис этае* [5] ‘Так что об этом я слышала, это нам раска=, рассказывал дядя из Щельяюра’.

(6) иж. (Ханты-Мансийск) *Ижемскей зе=, ижемскей муыс сетэ зэй уна* [5] ‘Ижемская зе=, ижемская земля даёт очень многое’.

Пример (7) показывает обратное направление переключения-дублирования. Говорящий при повторе обрывает слово *кынь* ‘песец’ перед введением его русского соответствия. Из последующего контекста следует, что в сознании говорящего сформировалось понятие *песца*, но он не может вспомнить его русское название. Не найдя необходимой номинации, говорящий трижды повторяет слово *лиса*. Далее в целях устранения смысловой неточности он прибегает к уточнению, описательно объясняя различие между двумя видами лис: «одна белая, а вторая лиса и есть».

(7) иж. (Нарьян-Мар) *Эта кынь шусе, кы=, лиса, лиса, лиса. Эта лисаыс бара руч комиэн шусе. Отикыс еджыд, а мёдыс бара лиса, лиса и выйым* [5] ‘Это называется песец, пе=, лиса, лиса, лиса. Эта лиса по-коми называется руч. Одна белая, а другая же лиса, лиса и есть’.

Обрыв слова, обусловленный необходимостью фонетической или грамматической коррекции, в нашем корпусе представлен единичными примерами. В контексте (8) сбой в процессе речепорождения возник в результате фонетической оговорки – выпадением сегмента *-те-*. Оборванное слово сразу исправлено говорящим.

(8) иж. (Нарьян-Мар) *Верп=, Вертепын олісныс* [5] ‘Они жили в Верп=, Вертепе’.

Пример (9) иллюстрирует изменение формы глагола: говорящий намеревался произнести глагол в форме 1-го прошедшего времени (показатель *-и*) 3-го лица (показатель *-с*), но, не договорив, изменил форму на 2-е прошедшее время, тем самым подчеркнул значение результативности и неочевидности действия.

(9) иж. (Саранпауль) *Тыздорысь тачче ээ воис=, воёмась* [НРБ] [5] ‘Они оттуда сюда ээ приехал=, приехали, оказывается’.

Грамматическая и фонетическая коррекции оборванного слова в сущности не добавляют новой информации, они только уточняют языковую форму.

1.3. Отмена оборванного слова

Отменой является операция, при которой говорящий заменяет ошибочный «фрагмент

без сохранения его исходного значения или полностью отказывается от исходного замысла» [12, 35; 13, 17]. В спонтанной коми речи фрагмент ошибочно введённого слова обычно заменяется говорящим на другое слово. Так, в примере (10) представлена коррекция фрагмента слова *коми*; в примере (11) – фрагмента слова *Нарьян-Мар*.

(10) *Тодмалам, кыдзи Нина Куратова йитчёма Сергей Михалковкөд, ком= оёо роч гижыськөд, коді гижис гимн Советского Союза* [11, 05.04.2019] ‘Узнаём, как Нина Куратова связана с Сергеем Михалковым, с ком= ээ русским писателем, который написал гимн Советского Союза’.

(11) иж. (Вертеп) *А бабе зыранка, выходитэ, Нар=, ой, Сыктывкар дорысь* [5] ‘А бабушка, выходит, зыранка, Нар=, ой, из-под Сыктывкара’.

Иногда говорящий отказывается от коррекции оборванного слова, сочтя его неуместным, ошибочным или не требующим исправления. Так, в примере (12) остаётся неисправленным говорящим фрагмент *пасьт=*, возможно, глагола *пасьтэдны* ‘одеть, наряжать’.

(12) иж. (Пожня) *Вежа пёраас машкурутчены, пасьт= ... чужемныссэ вевтьёны-кёрталэны и ветлөдлэны керкаысь керкаа* [5] ‘Во время святок колядуют, оде= лицо закрывают чем-то и ходят по домам’.

В примере (13) не подвергается коррекции фрагмент *по-ру=*, который можно восстановить как наречие *по-русски*.

(13) иж. (Нарьян-Мар) *Луша, кудь тэн абу стыд, стыд, не стыдно тебе, но по-ру=, как тебе не стыдно? [5] ‘Луша, как тебе не стыдно, стыдно, не стыдно тебе, ну по-ру=, как тебе не стыдно?’*.

В примере (3) из [9], повторенном ниже как (14), представлены два типа операции: в первом случае – отмена, оборванное слово не корректируется, во втором случае – модификация.

(14) *Сэсса ... сьёл= мыйкө пав= м-мавтис, мавтис, черкйөдліс, черкйөдліс менсим, сэсса шыбитис ручкасё, весиг чернилаыс бырис* [11, 10.03.2023] ‘Потом ... сьёл= это пав= корректировал, корректировал штрих-маркером, черкал, черкал мои [записи], затем бросил ручку, даже чернила закончились’.

Фрагмент *сьёл=* является, скорее всего, началом глагола *сьёлышитны* ‘плюнуть’. Говорящий начинает произносить слово, но, допустив, что для публичной речи оно является

некорректным, не договаривает его. После небольшой паузы, заполненной маркером хезитации *мыйкӧ* ‘это’, следует фрагмент другого слова (*нав=*), который сразу исправляется словом в нужной фонетической оболочке.

2. Структурный и линейный диапазон коррекции оборванного слова

Коррекция оборванного слова обычно происходит в рамках текущей фразы. Фрагмент может находиться в абсолютном начале текущего узла дискурса, как в примере (8), внутри синтагмы, как в примере (1), и в конце, как в примере (3). В большинстве случаев откорректированный коррелят следует непосредственно за оборванным словом, иногда между ними могут быть абсолютные паузы, паузы с долексическим заполнением (*ммм*, *ӧӧӧ*, *эээ*), как в примере (10), лексические маркеры речевого сбоя (*мыйкӧ* ‘это, это самое’, *но* ‘ну’, *ой* ‘ой’ и др.), как в примерах (11) и (14).

Дистантная коррекция, при которой между оборванным словом и его откорректированным коррелятом вставляется дополнительный лексический материал, встречается редко. Типичный случай такой коррекции представлен в примерах (15)–(17).

(15) иж. (Ловозеро) *Значит, ми тун= эстысь босьтам кыссэ и тундраын карам, вурам* [5] ‘Значит, мы тун= отсюда берём камус и в тундре его обрабатываем, шьём’.

(16) иж. (Нарьян-Мар) *Вот и висьтоола тай, но, кодке висьт=, Микул вок корке висьталэма: «Патриотка»* [5] ‘Вот и говорю же, ну, кто-то ска=, вот когда-то брат Николай ска-зал было: «Патриотка».

(17) иж. (Волоковая) *А сіе висьталэ: «Этае ке пуктамте ке, бурджыка му= этиэ эстысь мунам!»* [5] ‘А он говорит: «Если это положим, легче уед= это отсюда уедем!»

В процессе построения дискурса говорящий, оборвав слово, вносит новую информацию в структуру высказывания: в (15) конкретизирует последовательность событий (*эстысь босьтам кыссэ и тундраын карам, вурам* ‘отсюда берём камус и в тундре его обрабатываем’); в (16) – участника описываемой ситуации (*Микул вок* ‘брат Николай’); в (17) – исходное место движения (*эстысь* ‘отсюда’).

3. Объём фрагмента слова

В спонтанной речи слово может быть оборвано как на первом, так и на последующих слогах. Оборванными могут оказаться

часть корневой морфемы, как в примере (18), корневая морфема, как в примерах (19) и (20), и часть основы, как в примере (21).

(18) иж. (Краснощелье) *Ру=, рутьыс, рутьыс грехевейтэ тулыснас* [5] ‘А ли=, лиса, лиса нападает [на оленей] весной’.

(19) *А тшын=, тшынӧдлісны эз? Челядь-тӧ тшынӧдлісны эз?* [5] ‘А окур=, окуривали нет? Детей-то окуривали нет?’

(20) *Батьӧй эээ тракторӧ велӧдіс зон=, зоньясӧс* [11, 05.12.2022] ‘Мой отец эээ обучал парень=, парней езде на тракторе’.

(21) иж. (Хонгурей) *Прӧстэ волы=, волылісны, а сэтэн же тундраас из ооныс, ветврачыс прӧстэ со стороны, эні на тай нэ волылласны* [5] ‘Просто приез=, приезжали, а там, в тундре, не жили, ветеринары просто со стороны, и сейчас ещё ведь приезжают’.

Языку коми не характерен префиксальный способ выражения грамматических и словообразовательных значений. В языке имеется всего три приставки: *мед-*: *мича* ‘красивый’ – *медмича* ‘самый красивый’, *не-*: *кодӧ* ‘кто’ – *некодӧ* ‘никто’, *э-*: *тайӧ* ‘этот, эта, это’ – *этайӧ* ‘вот этот’. Обрывы слов с повторением приставки в последующем слове являются нетипичными для спонтанной коми речи. Такие случаи оказываются крайне редкими, нами обнаружен только один пример (22).

(22) *Мед= медводдза лунсӧ тӧян гортын, тӧян гортад, Елена дорад?* [5] ‘Пер= первый день у вас дома, у вас дома, у Елены [справлялись свадьбу]?’

Единичный пример в нашем корпусе демонстрирует исправление ошибочной грамматической формы без повтора полнозначного слова (23).

(23) иж. (Саранпауль) *Ханты-Мансийск – сыя столица мян автономнэй округнумлысь =нумлэн* [5] ‘Ханты-Мансийск – это столица нашего автономного округа’.

В данном фрагменте речи говорящий ошибся в форме падежа, использовав аблатив вместо генитива. Следует отметить, что в пермских языках аблативная словоформа в посессивном значении употребляется только в позиции перед прямым объектом [10, 219]. Разъединение словоизменительных суффиксов можно объяснить агглютинативными чертами коми языка – чёткостью морфемных границ и однозначностью грамматических морфем.

4. Частотность обрывов

В составе фразы происходит обычно обрыв одного слова (см. примеры в статье), реже двух, как в примере (24).

(24) иж. (Пожня) *Sійö olis tanі, gösti=... Сыктыв=... мыйкё ммм гостиница* [5] ‘Он жил здесь, гости=... Сыктыв=...это ммм гостиница’.

Одно и то же слово в абсолютном большинстве случаев обрывается однократно (см. приведённые в статье примеры), иногда может быть многократный обрыв одного слова. Так, пример (25) демонстрирует цепочку обрывов: в первом случае представлена операция отмены, в двух других – повтор. Говорящий, стараясь вспомнить годы распада Советского Союза, скорее всего, колеблется в выборе периода между началом и официальным прекращением существования союзного государства.

(25) иж. (Пожня) *Кёкъя= ёк= ёкмыс= ёкмысдасёд воясё Сöветскöй Союз вöлі киссё* [5] ‘В восемь=, де=, девять= девяностые годы Советский Союз разваливался’.

Обсуждение и заключение

Плавное развёртывание речевого потока может быть нарушено обрывом слова, что свидетельствует о трудностях с вербализацией. Анализ речевых сбоев в спонтанной коми речи показал, что фрагмент слова может повторяться, изменяться или отменяться чаще внутри одной предикации. Выявлено, что в речи преобладают контактные коррекции, при которых полнозначное слово следует непосредственно за отклонённым фрагментом, реже между ними вставляются лексические маркеры хезитации, слова с пропозициональным значением. В составе фразы обрывается обычно одно слово, при этом обрыв чаще происходит однократно. Отличительной чертой спонтанной коми речи являются обрывы разноязыковых слов и их двоякая коррекция: фрагмент на одном языке может быть откорректирован на том же или на другом языке. Разноязыковая коррекция характерна для речи билингвов, свободно владеющих коми и русским языками. Нетривиальной является коррекция, при которой исправляется только суффикс без повтора полнозначного слова.

Список сокращений

Диалекты и говоры коми языка: вс. – верхнесысольский, вым. – вымский, иж. – ижемский, лл. – лузско-летский, нв. – нижневычегодский, Об. – говор с. Объячево, печ. – печорский, Пор. – говор с. Прокопьевка, скр. – присыктывкарский, сс. – среднесысольский, уд. – удорский.

Список источников и литературы

1. Богданова-Бегларян Н. В. Обрыв в устном монологе как «точка сбоя» и способы её преодоления // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 3. С. 555–567. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3).555-567.
2. Гаврилова В. Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 212 с.
3. Гуляева Н. И. Хезитационные явления в коми спонтанной речи // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 416–424. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-416-424.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2013. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 532 с.
5. Коми медиатека / Р. Блокланд, В. Чупров, Д. Левченко, М. Федина, М. Федина, Н. Партанен, М. Рисслер. Сыктывкар: FU-Lab, 2016. URL: <https://fu-lab.ru/> (дата обращения: 01.04.2023–31.09.2023)
6. Кондратьева Н. В., Шаланки Ж. Кодовое переключение в условиях удмуртско-русского билингвизма (на материале глагольных форм) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. № 15 (4). С. 590–598. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-590-598.
7. Мосина Н. М. Особенности функционирования эрзянско-русского двуязычия в аспекте переключения кодов // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 472–483. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-472-483>.
8. Некрасова Г. А. Дублирования в телевизионной речи коми билингва // Язык и культура. 2013. № 3. С. 73–81.
9. Некрасова Г. А. Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 452–460. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-452-460.
10. Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2023. 516 с. DOI: 10.19110/978-5-89606-639-5.
11. Передача «Миян йöз» («Наши люди») // Официальный сайт Коми республиканского телевизионного канала «Юрган». Телепроекты. URL: https://www.xn--80af5aj3e.xn--p1ai/vse_proekty/ (дата обращения: 01.02.2023–31.04.2023).

12. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 7–55.
13. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Сер. 2. № 23. С. 2–23.
14. Словарь диалектов коми языка = Коми сёрнисикас кывчукор: в 2-х томах / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева. Сыктывкар: Кола, 2012. Т. I. 1096 с.; Т. II. 888 с.
15. Филиппова Н. С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 22 с.
16. Чэн Ч. Обрыв как хезитационное явление в русской речи носителей китайского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 98–107. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-1-98-107.
17. Kalliokoski J. Tutkimuskohteena monikielisyy ja kielten kohtaaminen // Kielet kohtavat. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. Pp. 7–22.
18. Keevallik L. Marking boundaries between activities: the particle *nii* in Estonian // Research on Language and Social Interaction. 2010. № 2 (43). Pp. 157–182.
19. Keevallik L. The interactional profile of a placeholder: the Estonian demonstrative *see* // Fillers, pauses and placeholders. Ed. by N. Amiridze, B. H. Davis, M. Maclagan. (= Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 139–172.
20. Laakso M. Kaksivuotiaiden lasten oman puheen korjaukset keskustelussa // Puhe ja kieli. 2006. № 2 (26). Pp. 123–136.
21. Laakso M., Lehtola M. Sanojen hakeminen afaattisen henkilön ja läheisen keskustelussa // Puhe ja kieli. 2003. № 1 (23). Pp. 1–24.
22. Levelt W. J. M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge, London: The MIT Press, 1993. 584 p.
23. Németh Z. Recycling and replacement repairs as self-initiated same-turn self-repair strategies in Hungarian // Journal of pragmatics. 2012. № 44 (14). Pp. 2022–2034. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.09.015>.
24. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät // Virittäjä. 2005. № 2 (109). Pp. 244–271.
25. Verschik A. Aspects of Russian-Estonian code-switching: research perspectives // International Journal of Bilingualism, 2004. № 8 (4). Pp. 427–448.
26. Verschik A. Russian-Estonian language contact, linguistic creativity, and convergence: new rules in the making // Multilingua, 2005. № 24 (4). Pp. 413–429.

References

1. Bogdanova-Beglarian N. V. *Obryv v ustnom monologe kak "tochka sboya" i sposoby ee preodoleniya* [The break in an oral monologue as a "point of failure" and ways to overcome it]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2020, no. 7 (3), pp. 555–567. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3). (In Russian)
2. Gavrilova V. G. *Marijsko-russkij bilingvizm: pereklyuchenie i smeshenie kodov* [Mari-Russian bilingualism: switching and mixing of codes]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t Publ., 2014. 212 p. (In Russian)
3. Gulyaeva N. I. *Hezitacionnye yavleniya v komi spontannoju rechi* [Hesitation phenomena in spontaneous Komi speech]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 416–424. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-416-424. (In Russian)
4. *Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoju rechi* [Speech corpus of Russian as the material for the speech analysis]. Ed. N. V. Bogdanova-Beglarian. Saint-Petersburg: Filol. fak-t SPbGU Publ., 2013. *Ch. 1: Chtenie. Pereskaz. Opisanie* [Pt. 1: Reading. Retelling. Description]. 532 p. (In Russian)
5. *Komi mediateka* [Komi media library]. R. Blokland, V. Chuprov, D. Levchenko, M. Fedina, M. Fedina, N. Partanen, M. Rissler. Syktyvkar: FU-Lab Publ., 2016. Available at: <https://fu-lab.ru/> (accessed April 1 – September 31, 2023). (In Komi)
6. Kondratjeva N. V., Shalanki Zh. *Kodovoe pereklyuchenie v usloviyah udmurtsko-russkogo bilingvizma (na materiale glagol'nyh form)* [Code switching in the conditions of Udmurt-Russian bilingualism (based on the material of verb forms)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (4), pp. 590–598. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-590-598. (In Russian)
7. Mosina N. M. *Osobennosti funkcionirovaniya erzyansko-russkogo dvuyazychiya v aspekte pereklyucheniya kodov* [Features of functioning of the Erzya-Russian bilingualism in the aspect of code switching]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2023, no. 20 (3), pp. 472–483. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-472-483>. (In Russian)
8. Nekrasova G. A. *Dublirovaniya v televizionnoj rechi komi bilingva* [Duplications in the Komi-bilingual television speech]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2013, no. 3, pp. 73–81. (In Russian)
9. Nekrasova G. A. *Samoispravleniya v spontannoju rechi nositelej komi yazyka* [Self-correction in the spontaneous speech of Komi speakers]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 452–460. (In Russian)

10. Nekrasova G. A. *Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v permskih yazykah* [Category of noun case in the Permian languages]. Syktyvkar: KNC UrO RAN Publ., 2023. 516 p. (In Russian)
11. *Peredacha "Miyan jöz" ("Nashi lyudi")* [The program "Miyan yoz" ("Our people")]. *Oficial'nyj sajt Komi respublikanskogo televizionnogo kanala "Yurgan". Teleproekty* [The official website of the Komi Republican television channel "Yurgan". TV projects]. Available at: https://www.xn--80af5aj3e.xn--plai/vse_proekty/ (accessed February 1 – April 31, 2023). (In Komi)
12. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Korrekcija v ustnoj monologicheskoj rechi po dannym korpusnogo issledovaniya* [Correction in oral monologue speech according to case study data]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [The Russian language in scientific coverage], 2006, no. 2 (12), pp. 7–55. (In Russian)
13. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Samoispravleniya govoryashchego i drugie tipy rechevyh sboev kak ob'ekt annotirovaniya v korpusah ustnoj rechi* [Self-correction of the speaker and other types of speech failures as an object of annotation in the corpus of oral speech]. *Nauchno-tehnicheskaya informacija* [Scientific and Technical Information], 2007, series 2, no. 23, pp. 2–23. (In Russian)
14. *Slovar' dialektov komi yazyka = Komi syornisikas kyvchukör: v 2-h tomah* [Dictionary of dialects of the Komi language: in 2 vol.]. L. M. Beznosikova, E. A. Ajbabina, N. K. Zaboeva, R. I. Kosnyreva. Syktyvkar: Kola Publ., 2012. Vol. I. 1096 p.; Vol. II. 888 p. (In Komi, Russian)
15. Filippova N. S. *Printsipy postroeniya ustnogo opisatel'nogo diskursa (na materiale russkoy spontannoy rechi)* [Principles of oral descriptive discourse (a case study of Russian spontaneous speech)]. Saint-Petersburg, 2010. 22 p. (In Russian)
16. Cheng Chen *Obryv kak khezitatsionnoe yavlenie v russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka* [Break as a hesitation phenomenon in Russian speech of the Chinese]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, no. 9 (1), pp. 98–107. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-1-98-107. (In Russian)
17. Kalliokoski J. Tutkimuskohteena monikielisyyis ja kielten kohtaaminen. *Kielet kohtaavat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. Pp. 7–22. (In Finnish)
18. Keevallik L. Marking boundaries between activities: the particle *nii* in Estonian. *Research on Language and Social Interaction*, 2010, no. 2 (43), pp. 157–182. (In English)
19. Keevallik L. The interactional profile of a placeholder: the Estonian demonstrative *see*. *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. by N. Amiridze, B. H. Davis, M. Maclagan. (= Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 139–172. (In English)
20. Laakso M. Kaksivuotiaiden lasten oman puheen korjaukset keskustelussa. *Puhe ja kieli*, 2006, no. (26), pp. 123–136. (In Finnish)
21. Laakso M., Lehtola M. 2003. Sanojen hakeminen afaattisen henkilön ja läheisen keskustelussa. *Puhe ja kieli*, 2003, no. 1 (23), pp. 1–24. (In Finnish)
22. Levelt W. J. M. *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge, London: The MIT Press, 1993. 584 p. (In English)
23. Németh Z. Recycling and replacement repairs as self-initiated same-turn self-repair strategies in Hungarian. *Journal of pragmatics*, 2012, no. 44 (14), pp. 2022–2034. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.09.015>. (In English)
24. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät. *Viritäjä*, 2005, no. 2 (109), pp. 244–271. (In Finnish)
25. Verschik A. Aspects of Russian-Estonian code-switching: research perspectives. *International Journal of Bilingualism*, 2004, no. 8 (4), pp. 427–448. (In English)
26. Verschik A. Russian-Estonian language contact, linguistic creativity, and convergence: new rules in the making. *Multilingua*, 2005, no. 24 (4), pp. 413–429. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Галина Александровна, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук, доцент.

komilang@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4995-4772

ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Galina Alexandrovna, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Communisticheskaya Str., 26), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

komilang@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4995-4772